

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (ETHNO & CULTURAL SOCIOLOGY)

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-2-21

УДК 101.1::316

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Кочергина В.И.

Данная статья посвящена исследованию структуры социальной ментальности. Показывается разнообразие принципиально различных трактовок структуры социальной ментальности. Раскрываются причины сложности анализа природы социальной ментальности, в частности, её структуры. Рассматривается эвристическая ценность модели развития науки как смены научно-исследовательских программ, предложенная И. Лакатосом, для построения структуры социальной ментальности. «Жёсткое ядро» и «предохранительный пояс» представляют собой социальную ментальность на уровне личности и социальную ментальность на уровне общества соответственно. В рамках информационного общества исследуется возможность формирования социальной ментальности, основанной на сетевом принципе функционирования. Выделяется новый вид интернет-ментальности, обладающий собственными закономерностями развития. Делается вывод о необходимости объединения двух упомянутых структур при анализе природы социальной ментальности на современном этапе развития общества.

Ключевые слова: социальная ментальность; структура; социум; сеть; интернет-ментальность; этнос.

A STRUCTURE OF THE SOCIAL MENTALITY

Kochergin V.I.

This article is intended to a research of the social mentality. There a variety of fundamentally different interpretations of the social mentality is shown. Complexity reasons of an analysis of

a social mentality nature (structure particularly) are discovered. Heuristic value of Lacatos' es science evolution model is considered in order to create the structure of the social mentality. His «hard core» and «auxiliary hypotheses» terms represent the social mentality on a level of personality and society respectively. A possibility of the social mentality formation based on a network operating principle is considered within the Information Society. A new kind of internet-mentality is released which has its own pattern of development. The article makes a conclusion about necessity of combination of two structures mentioned above to perform the social mentality nature analysis at the present development stage of society.

Keywords: *social mentality; structure, society; network; internet-mentality; ethnos.*

В современном обществе, особенно российском, в последние годы широкое распространение получили понятия «менталитет» и «ментальность». Причём, это касается не только специализированной философской, психологической, лингвистической или иного рода литературы, но и средств массовой информации, художественных произведений, различных дискуссий. В то же самое время между авторами нет единого понимания содержания данных понятий. Ряд исследователей, следуя западной традиции, используют понятия менталитет и ментальность как синонимичные, считая термин «ментальность» всего лишь русским аналогом термина «менталитет». Другие выделяют их существенные отличия, но не могут прийти к единому мнению о сущности данных категорий.

Феномен ментальности является слабо разработанным. Это связано, прежде всего, с заимствованием термина менталитет из западной литературы и дальнейшей его трансформацией на отечественной почве. Понятие ментальности можно с полным правом отнести к отечественным изобретениям. О ментальности можно говорить в двух планах: индивидуальном и социальном. Именно социальная ментальность чаще всего отождествляется с менталитетом при полном отказе от исследования ментальности на уровне личности. Термин «менталитет» используют непосредственно для изучения национальных, либо этнических сообществ. Личностная ментальность отражает уникальность человека, его личностные стереотипы. Тем не менее, для того, чтобы полностью вскрыть содержание данного феномена, необходимо изучить историю появления понятия «менталитет».

В связи с огромной популярностью феноменов менталитета и ментальности возникают определённые трудности с их исследованием. Во-первых, они связаны с большим разнообразием появившейся в последние годы научной литературы по рассматриваемой проблематике. Во-вторых, существует очень много любительских публикаций, авторы которых незнакомы

с классическими разработками исследуемых феноменов. Классиками в данной области являются представители французской школы «Анналов», такие как Ж. Лефевр, М. Блок, Л. Февр, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби и др., которые в своих трудах отразили нацеленность новой исторической науки на исследование проблемы ментальности. Сложность состоит в том, чтобы найти действительно научные, аргументируемые работы и выделить их из всего массива информации. В-третьих, различные исследователи вкладывают собственные смыслы в изучаемые понятия. При условии отличного понимания менталитета и ментальности, авторы зачастую сводят последнее либо к коллективному бессознательному, либо к социокультурным автоматизмам сознания, либо к дорефлективному уровню мышления и т.д. Что побуждает многих мыслителей говорить о невозможности дать точные дефиниции данному понятию, несмотря на его эвристическую и практическую ценность. Это связано с пониманием ментальности как основы существования общественного целого, обеспечивающей историко-культурную преемственность поколений. Именно понимание ментальности стало восприниматься в качестве источника построения межкультурного диалога. В связи с этим необходимо не только дать определение ментальности, но и выявить её структуру и принципы функционирования.

В данной работе обратимся к исследованию структуры социальной ментальности. Сформировались разные точки зрения по данному вопросу. Так, ряд мыслителей пишет о принципиальной невозможности формирования структуры социальной ментальности, выделения её уровней. К примеру, с точки зрения У. Раульфа социальная ментальность есть «нечто еще не структурированное, некая предрасположенность, внутренняя готовность человека действовать определенным образом, область возможного для него» [2, с. 74]. Часть исследователей придерживается несколько иной позиции. Они считают, что социальная ментальность имеет определённую структуру, но она является безуровневой в традиционном понимании. К ним можно отнести Е.Я. Таршиса, который указывает, что «уровней и слоев у ментальности нет и вообще, содержание ментальности структурировано не на метрических основах». [3, с. 43] Ещё одна трактовка социальной ментальности как безуровневой характерна для информационного общества. С развитием информационных технологий и средств коммуникации, с пониманием информации как источника общественного развития, приходит и новое понимание различных феноменов общественной жизни. В данном контексте социальная ментальность приобретает новый образ, образ сети, некоторой матрицы, встраивающейся и пронизывающей все сферы жизни общества. Определяется принципиальная невозможность формирования многоуровневой структуры ментальности. Понимание социальной ментальности как матрицы предполагает размытие границ между различными национально-этническими идентичностями и фор-

мирование единой глобализационной структуры. Появляется ряд проблем, связанных с будущим функционированием общества. В том числе с пониманием общества как такового. Вот что пишет по этому поводу Н. Луман: «Не придется ли нам в связи с появлением глобальной мировой системы изменять традиционное политическое значение понятия «общество»» [1, с. 96]. И далее: «Современное общество в настоящее время находится в фазе «турбулентной эволюции» без предсказуемых результатов. Есть опасность, что общество примет «метакод» включения/исключения, когда некоторые люди будут личностями, а другие только индивидами». [1, с. 96]. Сетевое понимание социальной ментальности вступает в конфликт с возможностями этнической самоидентификации, которая основывается на уникальности языка, культуры, традиций, историческом развитии. Тем не менее, существует возможность диалога между этническими образованиями внутри общей сетевой структуры социальной ментальности. Сеть представляет собой множество взаимосвязанных открытых информационных систем. Любая информационная система в данном случае представляет собой конкретную этническую ментальность, скажем, русскую, украинскую и другие виды ментальностей. Между этими системами по специальным каналам осуществляется обмен информацией, образуя единую общечеловеческую ментальную сеть. В данной парадигме подключения к единой сети нет возможности стать «закрытым» обществом и препятствовать осуществлению диалога. Таким образом, в рамках информационного общества ещё более важным становится сохранение этнической идентичности, основанной на системе социальной ментальности этноса. Что порождает равноценную ответственность каждого этноса за совершаемые им действия.

В связи с развитием сетевых технологий, в частности, с появлением глобальной мировой сети Интернет, мыслители высказывают предположения о формировании особого вида социальной ментальности – Интернет-ментальности, и появлении нового способа осуществления идентичности. Так, формируется новое сообщество, которое обладает собственными особенностями и правилами функционирования. Такой вид социальной ментальности основывается преимущественно на игровой деятельности. В связи с этим новые технологии развиваются не по пути приближения виртуальной реальности к действительности, а по пути усиления эффекта присутствия в другой реальности.

Всё же большинство исследователей придерживаются традиционной точки зрения и рассматривают структуру ментальности, как имеющую ряд уровней. Тем не менее, мыслители не проводят разграничения между личностной и общественной социальной ментальностью, которые, как мы писали выше, обладают своими особенностями. На наш взгляд, социальная ментальность имеет определённую структуру, которую можно рассмотреть по аналогии

со схемой развития науки, предложенной И. Лакатосом. Лакатос считал, что наука представляет собой борьбу научно-исследовательских программ, каждая из которых характеризуется «жёстким ядром» и «предохранительным поясом». В рамках понимания социальной ментальности таким «жёстким ядром» выступает социальная ментальность личности, а «предохранительный пояс» представляет социальная ментальность общества. Социальная ментальность общества более исторически изменчива и противостоит социальным ментальностям других обществ. Только её кардинальное изменение может повлечь за собой и трансформацию социальной ментальности личности. Таким образом, формируется новая этническая или национальная идентичность. Личность начинает идентифицировать себя с новым общественным целым. Подобная самоидентификация может быть как с уже существующим общественным образованием, так и с принципиально новым. Здесь показательно рассмотреть человека, попавшего в чуждую для себя этническую или национальную среду. Со временем социальная ментальность общества, которая проявляется на уровне религии, культуры, традиций и др. может существенно повлиять на социальную ментальность личности. Человек будет идентифицировать себя не с этносом, к которому принадлежат его родители, а с обществом, в котором он живёт. Вплоть до того, что внешне человек может перенимать черты данного этноса. В то же время история знает много примеров образования новых этнических групп на базе нескольких вариантов социальной ментальности, развивающейся в иной природно-культурной среде. К таким этносам можно отнести казачество. Примечательно то, что мы не можем говорить о казачестве, как об однородном образовании. Существуют кубанские, астраханские, донские казаки. Они обладают абсолютно уникальной социальной ментальностью, что позволяет на современном этапе развития придать им статус независимых этносов. Обратимся к истории. В Российской империи большинство населения составляли крепостные крестьяне, которые в поисках лучшей доли уезжали на окраины страны и селились там. Туда же устремлялись все, кто хотел спрятаться от закона. Попадая в новые природные условия, обмениваясь на уровне обыденной жизни собственным социальным и культурным опытом, пришлые люди формировали собственный этнос, который стал базироваться на новой деятельности – охране границ государства. Таким образом, родилась новая социальная ментальность, которая вобрала в себя несколько уже существующих.

Представленная структура социальной ментальности позволяет глубже понять этно-национальное развитие, проанализировать способы организации различных общностей, причины формирования новых и изменения уже существующих. В рамках информационного общества, основанного на сетевом принципе функционирования, данная структура не может использо-

ваться как единственно возможная. Необходимо рассматривать социальную ментальность как обладающую теми же сетевыми характеристиками, что и общество. В этом залог успешного социального взаимодействия, особенно в рамках полиэтнических государств, к которым относится Россия.

Список литературы

1. Блок М. Апология истории / М. Блок. – М., 2003. 256 с.
2. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции. // Структура и развитие науки. Сборник переводов. – М.: Прогресс, 1978. С. 203-269.
3. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. – М., 1998. С. 94-108.
4. Раульф У. Предисловие к сборнику «История ментальностей. К реконструкции духовных процессов» // История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996.
5. Таршис Е.Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования. – М., 1999. 82 с.
6. Февр Л. Бои за историю / Л. Февр. – М., 1991. 635 с.
7. Duby G. Structures familiales dans le moyen age occidental // 13 МКИИ. Материалы к конгрессу. Доклады к конгрессу. Т. 1. Ч. 4. – М.: АН СССР, 1970. С. 152-161.
8. J. Le Goff. L'appetit de l'histoire. – P., 1981. 233 p.
9. Lefevre G. La Grande peur de 1789. Suive de «Les foules revolution – naires». – P., 1988. 314 p.

References

1. Blok M. *Apologiya istorii* [Apologia of history]. – Moscow, 2003. 256 p.
2. Lakatos I. *Struktura i razvitie nauki. Sbornik perevodov* [Structure and evolution of a science. Collection of translations]. – Moscow: Progress, 1978. Pp. 203-269.
3. Luman N. *Sociologiya na poroge XXI veka: novye napravleniya issledovaniy* [Sociology on the edge of XXI century: new ways of research]. – Moscow, 1998. Pp. 94-108.
4. Raulf U. *Istoriya mentalnostei i istoricheskaya antropologiya: Zarubegnye issledovaniya v obzoraх I referatah* [History of mentality and historical anthropology: Foreign research within reviews and abstracts]. – Moscow, 1996.

5. Tarshis E.Y. *Mentalnost cheloveka: podhody k koncepcii i postanovka zadach issledovaniya* [Mentality of human being: approaches to a concept and formulation of the research problem]. – Moscow, 1999. 82 p.
6. Fevr L. *Boi za istoriyu* [Battles for history]. – Moscow, 1991. 635 p.
7. Duby G. *13 MKIN. Materialy k kongressu. Doklady k kongressu* 1, no. 4 (1970): 152-161.
8. Le Goff J. *L'appetit de l'histoire*. – Paris, 1981. 233 p.
9. Lefevre G. *La Grande peur de 1789. Suive de «Les foules revolution – naires»*. – Paris, 1988. 314 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кочергина Виктория Игоревна, аспирант кафедры истории философии факультета философии и психологии

*Воронежский государственный университет
пр. Революции, д. 24, г. Воронеж, 394000, Россия
e-mail: vikodin07@rambler.ru
SPIN-код в SCIENCE INDEX: 9514-6054*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kochergin Viktoria Igorevna, graduate student of the history of philosophy of the Faculty of Philosophy and Psychology

*Voronezh State University
24, Revolucii avenue, Voronezh, 394000, Russia
e-mail: vikodin07@rambler.ru
SPIN-код в SCIENCE INDEX: 9514-6054*

Рецензент:

Бубнов Юрий Александрович, декан факультета философии и психологии, доктор философских наук, профессор, Воронежский государственный университет